

ЭРНЕСТ

ХЕМИНГУЭЙ

ВЕШНИЕ ВОДЫ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Эрнест Хемингуэй

Вешние воды

«Издательство АСТ»

1926

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хемингуэй Э. М.

Вешние воды / Э. М. Хемингуэй — «Издательство АСТ»,
1926 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148146-9

«Вешние воды» (1926) – раннее произведение Эрнеста Хемингуэя, написанное во время его пребывания в Париже. Это своеобразная пародия на стиль и приемы американского писателя Шервуда Андерсона, чье творчество стало образцом для выдающихся авторов – Томаса Вулфа, Уильяма Фолкнера и самого Хемингуэя.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-148146-9

© Хемингуэй Э. М., 1926

© Издательство АСТ, 1926

Содержание

Красный и черный смех	6
1	6
2	8
3	9
4	11
5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эрнест Хемингуэй Вешние воды

Ernest Hemingway
THE TORRENTS OF SPRING

© Перевод. И. Дорони́на, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Г.Л. Менкену и С. Стенвуд Менкен с восхищением

Красный и черный смех

Единственный источник истинно смешного есть (как мне кажется) притворство.

Генри Филдинг

1

Йоги Джонсон стоял, глядя в окно крупной насосной фабрики в Мичигане. Скоро весна. Неужели то, что сказал этот писака Хатчинсон – «Коль пришла зима, весна не за горами», – снова сбудется и в этом году? – думал Йоги Джонсон. Неподалеку от Йоги, через одно окно, стоял Скриппс О’Нил, длинный худой мужчина с длинным худым лицом. Оба стояли и смотрели на пустой двор насосной фабрики. Снег покрывал упакованные в ящики насосы, которым вскоре предстояло отправиться по назначению. Как только придет весна и растает снег, рабочие с фабрики разберут штабеля, в которых под снегом лежат сейчас насосы, и отволокут их на станцию G.R. & I, где их погрузят на открытые платформы и увезут. Йоги Джонсон смотрел через окно на погребенные под снегом насосы, и его дыхание оставляло на холодном оконном стекле маленькие прозрачные следы. Йоги Джонсон думал о Париже. Быть может, именно маленькие прозрачные следы на стекле напомнили ему о веселом городе, где он некогда провел две недели. Две недели, которым суждено было стать самыми счастливыми неделями его жизни. Теперь это было позади. Это и все остальное.

У Скриппса О’Нила было две жены. Стоя у окна, длинный, худой и жизнестойкий благодаря кое-какой внутренней крепости, он думал о них обеих. Одна жила в Манселоне, а другая жила в Петоски. Жену, которая жила в Манселоне, он не видел с прошлой весны. Он смотрел на заваленный снегом складской двор и думал: что означает весна? Со своей манселонской женой Скриппс часто напивался. Когда он напивался, они с женой были счастливы. Они, бывало, отправлялись вместе на вокзал и шли по шпалам, а потом сидели рядом и пили и смотрели на идущие мимо поезда. Сидели, бывало, под сосной на вершине небольшого холма над насыпью и пили. Иногда они пили всю ночь. Иногда они пили целую неделю подряд. Это было им на пользу. Это делало Скриппса сильным.

У Скриппса была дочь, которую он шуточно называл Лузи¹ О’Нил. Ее настоящее имя было Люси О’Нил. Однажды ночью, когда Скриппс со своей старухой пили у железнодорожной насыпи уже третий или четвертый день, старуха вдруг куда-то исчезла. Он не знал, куда она подевалась. Когда он очнулся, кругом было темно. Он пошел вдоль путей обратно в город. Шпалы под ногами были твердыми и упругими. Он попробовал ступать по рельсам. Ничего не вышло. Он хорошенько выпил еще и пошел вдоль полотна. Путь до города был длинным. Наконец он добрал туда, где виднелись огни сортировочной станции. Он отклонился от путей и прошел мимо манселонской средней школы. Это было здание из желтого кирпича. В нем не было ничего от рококо, в отличие от домов, которые он видел в Париже. Нет, он никогда не был в Париже. Это был не он. Это был его друг Йоги Джонсон.

Йоги Джонсон смотрел в окно. Скоро наступит время закрывать фабрику на ночь. Он осторожно открыл окно, раздался тихий скрип. Всего лишь тихий скрип, но этого оказалось достаточно. Снег во дворе начал таять. Подул теплый ветерок. Чинук, как называли его ребята с насосной фабрики. Теплый чинук ворвался на фабрику через окно. Все рабочие отложили свои

¹ Lousy – вшивый, грязный, мерзкий (англ.).

инструменты. Многие из них были индейцами. Мастер был коротышкой с железными челюстями. Однажды он совершил путешествие аж до Дулута. Дулут находился далеко, за синими водами озера в горах Миннесоты. Там с ним случилось нечто удивительное.

Мастер послунывил палец и поднял его над головой. Он почувствовал пальцем теплый ветер. Он печально покачал головой и улыбнулся рабочим, быть может, чуточку сурово.

– Что ж, ребята, вот и чинук, – сказал он.

Рабочие повесили на крюки свои инструменты. Незаконченные насосы остались на верстаках. Рабочие, кто болтая, кто молча, а кое-кто невнятно ворча, потянулись в душевую мыться.

Снаружи через окно донесся индейский боевой клич.

2

Скриппс О'Нил стоял перед манселонской средней школой, глядя вверх, на освещенные окна. Было темно, и шел снег. Он шел всегда, сколько помнил Скриппс. Прохожий остановился и посмотрел на Скриппса. Впрочем, какое ему дело до этого человека? Он пошел дальше.

Скриппс стоял под снегом и смотрел вверх на освещенные окна средней школы. Внутри люди что-то изучали. Они трудились до позднего вечера, парни соперничали с девушками в стремлении к знаниям, жажда знаний захлестнула Америку. Его девочка, маленькая Лузи, девочка, за которую пришлось выложить докторам целых семьдесят пять долларов, тоже сидела там и училась. Скриппс был горд. Ему было слишком поздно учиться, но там, внутри, день за днем, вечер за вечером, училась Лузи. У нее были природные задатки, у этой девочки.

Скриппс пошел дальше, домой. Дом не был большим, но для старухи Скриппса размеры были важны.

– Скриппс, – частенько говаривала она, когда они пили вместе, – мне не нужен дворец. Единственное, что мне нужно, – это место, куда не проникнет ветер.

Скриппс поверил ей на слово. Теперь, когда шел поздним вечером под снегом и видел огни собственного дома, он испытывал радость оттого, что поверил ей на слово. Это было лучше, чем если бы он шел домой во дворец. Он, Скриппс, был не из тех, кому нужен дворец.

Он открыл дверь своего дома и вошел. Что-то продолжало роиться у него в голове. Он попытался выкинуть это из головы, но тщетно. Что же означает то, что написал этот парень, поэт, с которым его друг Гарри Паркер однажды познакомился в Детройте? Гарри любил цитировать: «И наслажденья, и дворцы, и та-та мне знакомы, тарата-та-та-ра-та-та нет места лучше дома». Он не помнил слов. Помнил не все. Он написал простенькую мелодию к ним и научил Люси петь эту песенку. Это было, когда они еще только поженились. Скриппс мог бы стать композитором, одним из тех парней, что пишут музыку, которую исполняет Чикагский симфонический оркестр, если бы у него была возможность продолжать. Сегодня вечером он заставит Люси спеть ему эту песню. Он больше никогда не будет пить. Пьянство лишает его музыкального слуха. Когда он пьян, гудки ночных поездов, которые тащатся в горку к Бойн Фоллз, кажутся ему прекраснее всего того, что когда-либо написал этот малый, Стравинский. А все из-за пьянства. Это неправильно. Он уедет в Париж. Как тот парень, Алберт Спелдинг, который играет на скрипке.

Скриппс открыл дверь. Он вошел.

– Люси, – позвал он, – это я, Скриппс.

Он больше никогда не будет пить. Больше никаких ночей на насыпи. Может, Люси нужна новая шубка? Может, в конце концов, ей нужен таки дворец вместо этой хибары? Никогда не знаешь, правильно ли ты обращаешься с женщиной. Может, в конце концов, это место и не защищает от ветра? Фантастика. Он зажег спичку.

– Люси! – позвал он, и в его голосе прозвучала нота смертельного ужаса. Его друг Уолт Симмонс слышал точно такой крик, когда на Вандомской площади в Париже автобус врезался в жеребца. В Париже не было мерингов. Все кони были жеребцами. Кобыл там не разводили. Во всяком случае, после войны. Война все изменила.

– Люси! – крикнул он, и снова: – Люси!

Ответа не было. Дом был пуст. Сквозь набитый снегом воздух, когда Скриппс стоял один, в тощей своей долговязости, в собственном покинутом доме, его ушей издалека достиг индейский боевой клич.

3

Скриппс покинул Манселону. Он покончил с этим местом. Что мог подобный город ему дать? Ничего. Вот так работаешь всю жизнь, работаешь – и вдруг с тобой случается такое. От многолетних сбережений не осталось и следа. Все разошлось. Теперь он отправлялся в Чикаго искать работу. Чикаго – вот то, что надо. Взгляните на его географическое местоположение – точнехонько на оконечности озера Мичиган. В Чикаго можно делать большие дела. Это любому дураку понятно. Эх, надо было купить землю там, где теперь располагается Луп – крупный торговый и промышленный район. Купить землю по дешевке и держаться за нее. Пусть бы попробовали отнять. Теперь-то он кое-что соображает.

Один, с непокрытой головой, с запорошенными снегом волосами, он шел вдоль железнодорожного полотна G.R. & I. То была самая холодная ночь в его жизни. Он подобрал мертвую птицу, которая очохла и упала на рельсы, и положил ее за пазуху, чтобы отогреть. Птица унездилась на его теплом теле и благодарно ткнула его клювом в грудь.

– Бедный малыш, – сказал Скриппс. – Ты тоже страдаешь от этого холода.

Слезы навернулись ему на глаза.

– Черт бы побрал этот ветер, – сказал Скриппс и снова подставил лицо вьюге. Ветер дул прямо с озера Верхнее. Телеграфные провода гудели от ветра над головой Скриппса. Сквозь мглу он видел огромный желтый глаз, надвигавшийся на него. Гигантский локомотив выплывал из пурги. Скриппс сошел с путей, чтобы пропустить его. Что там говорил старик Шекспир, что ли: «У кого сила, тот и прав»? Скриппс размышлял над этой цитатой, пока поезд проезжал мимо него в снежной мгле. Сначала проехал паровоз. Скриппс разглядел склонившегося кочегара, забрасывавшего полные лопаты угля в открытое жерло топки, и машиниста. На машинисте были защитные очки. Его лицо освещали всполохи из открытой топки. Он был машинистом, и, значит, это он держал руку на рычаге. Скриппс подумал о чикагских анархистах, которые, когда их вешали, кричали: «Хоть вы и душили нас сегодня, вы не можете что-то-там-такое наши души». В Форест-Парке в Чикаго, сразу за развлекательным парком, на Уолдхеймском кладбище, где они погребены, стоит монумент. Отец, бывало, водил Скриппса туда по воскресеньям. Монумент был весь черный и на нем – черный ангел. Это было, когда Скриппс был маленьким мальчиком. Он часто спрашивал отца: «Папа, если мы по воскресеньям приходим смотреть на анархистов, почему мы не можем покататься на русских горках?» Ответ отца его никогда не удовлетворял. Он был тогда маленьким мальчиком в коротких штанишках. Его отец был великим композитором. Его мать была итальянкой из северной Италии. Странные они люди, эти северные итальянцы.

Скриппс стоял возле железнодорожного полотна, и длинные черные вагоны состава прощелкивали мимо него в снежной круговерти. Все вагоны были пульмановские. Шторки были опущены. Свет пробивался лишь сквозь узкие щели внизу затемненных окон, проплывающих мимо. Поезд не несся с грохотом, как бывало, когда он шел в обратном направлении, потому что сейчас он карабкался вверх по склону к Бойн Фоллз. Он двигался медленней, чем если бы катился под уклон. И все же он ехал слишком быстро, чтобы Скриппс мог вскочить в него. Скриппс вспомнил, каким мастером вскакивать на ходу в повозку бакалейщика он был, когда был мальчиком в коротких штанишках.

Длинный черный состав пульмановских вагонов проехал мимо стоявшего рядом с рельсами Скриппса. Кто ехал в этих вагонах? Были ли это американцы, которым денежки капали, даже когда они спали? Были ли это матери? Были ли это отцы? Были ли среди них любовники? Или они были европейцами, представителями изношенной цивилизации, уставшими от войны? Кто знает.

Последний вагон миновал Скриппса, и поезд уполз вверх по склону. Скриппс проводил глазами красный хвостовой огонь последнего вагона, растворившийся в черноте, которую теперь заполняли лишь мягко кружащие снежные хлопья. Птица слабо встрепенулась у него за пазухой. Скриппс зашагал по шпалам. Он хотел по возможности добраться до Чикаго уже этой ночью, чтобы с утра приступить к работе. Птица снова встрепенулась. Теперь уже не так слабо. Скриппс положил на нее ладонь, чтобы успокоить. Птица затихла. Скриппс шагал в гору по путям.

В конце концов, не обязательно идти до самого Чикаго. Есть и другие места. Что с того, что этот критик Генри Менкен назвал Чикаго литературной столицей Америки? Есть же еще Грэнд-Рэпидс. Как только доберется до Грэнд-Рэпидс, он может пристроиться к мебельному бизнесу. Целые состояния сколачивались таким образом. Грэнд-Рэпидс славился своей мебелью везде, где молодые пары, прогуливаясь по вечерам, разговаривали о своем будущем доме. Он вспомнил рекламный щит, который видел в Чикаго маленьким мальчиком. Мать показала его ему, когда они, босиком, прося подаяния, ходили из дома в дом там, где сейчас, возможно, находится Луп. Матери понравилось яркое сияние электрических лампочек на щите.

– Они напоминают мне Сан-Миньято в моей родной Флоренции, – сказала она Скриппсу. – Посмотри на них, сын мой, – сказала она, – потому что настанет день, когда твою музыку будет исполнять Флорентийский симфонический оркестр.

Скриппс нередко часами смотрел на эту рекламу, пока его мать, закутавшись в старую шаль, спала на том месте, где сейчас, возможно, стоит отель «Блэкстоун». Реклама его завораживала.

«Предоставьте Хартману обустроить ваше гнездышко» – гласила она. Реклама вспыхивала множеством разноцветных лампочек. Сначала ослепительно-яркими белыми. Эти нравились Скриппсу больше всего. Потом – прелестными зелеными. Потом красными. Однажды ночью, когда он лежал, свернувшись калачиком и прижавшись к теплему материнскому телу, и наблюдал, как вспыхивают лампочки, подошел полицейский.

– Вам придется встать и уйти, – сказал он.

О да, большие деньги можно сделать на мебельном бизнесе, если знать, как приняться за дело. Он, Скриппс, постиг все хитрости этой игры. Мысленно все уже было у него решено. Он остановится в Грэнд-Рэпидс. Птичка встрепенулась – на сей раз радостно.

– Ах, какую чудную золотую клетку я для тебя построю, моя прелесть, – торжествующе воскликнул Скриппс. Птичка доверчиво клюнула его. Скриппс зашагал сквозь метель. Снег начало мести поперек путей. Рожденный ветром, до слуха Скриппса издалека донесся индейский боевой клич.

4

Где это он? Бредя в ночи сквозь вьюгу, Скриппс заплутал. Он собирался в Чикаго после той ужасной ночи, когда обнаружил, что его дом уже вовсе не дом. Почему Люси ушла? Что случилось с Лузи? Он, Скриппс, не знал. Не то чтобы его это волновало. Теперь все это осталось позади. Ничего этого больше не существовало. По колено в снегу он стоял перед железнодорожным вокзалом. На здании вокзала большими буквами было написано:

«ПЕТОСКИ»

Он видел груду оленьих туш, привезенных охотниками с Верхнего Полуострова Мичигана, они лежали, сваленные в кучу, мертвые и задубевшие и наполовину засыпанные снегом, на вокзальном перроне. Скриппс еще раз прочел надпись. Неужели это Петоски?

Внутри вокзала, за задвижным окошком, сидел человек, что-то выстукивавший рукой. Он посмотрел на Скриппса. Может, это телеграфист? Что-то подсказало Скриппсу, что так и есть.

Он выступил из сугроба и приблизился к окошку. Человек за окошком деловито работал телеграфным ключом.

– Вы телеграфист? – спросил Скриппс.

– Да, сэр, – ответил человек. – Я телеграфист.

– Как замечательно!

Телеграфист подозрительно уставился на него. Впрочем, какое ему дело до этого человека?

– Трудно быть телеграфистом? – спросил Скриппс. Он хотел прямо спросить, действительно ли это Петоски. Но он был плохо знаком с этой великой северной частью Америки, поэтому старался быть вежливым.

Телеграфист посмотрел на него с любопытством.

– Скажите, – спросил он, – вы гомосексуалист?

– Нет, – ответил Скриппс. – Я не знаю, что значит быть гомосексуалистом.

– Ну, – сказал телеграфист, – а зачем вы носите с собой птицу?

– Птицу? – переспросил Скриппс. – Какую птицу?

– Ту птицу, которая торчит у вас из-за пазухи.

Скриппс растерялся. Что за парень этот телеграфист? Какие люди идут в телеграфисты? Может, они такие же, как композиторы? Может, такие же, как художники? Может, такие, как писатели? Может, они такие же, как рекламщики, которые сочиняют рекламные объявления в наших общенациональных еженедельниках? Или они – как европейцы, изнуренные и опустошенные войной, оставившие позади свои лучшие годы? Можно ли рассказать этому телеграфисту всю свою историю? Поймет ли он?

– Я шел домой, – начал он. – Миновал манселонскую среднюю школу...

– Я знаю одну девушку в Манселоне, – сказал телеграфист. – Может, вы ее тоже знаете. Этель Энрайт.

Продолжать было бессмысленно. Надо сокращать рассказ. Надо сообщить только самое главное. Кроме того, было зверски холодно. Холодно было стоять на продуваемом ветром вокзальном перроне. Что-то подсказывало ему, что продолжать бессмысленно. Скриппс перевел взгляд на оленей, лежавших один на другом, задубевших и холодных. Может, среди них тоже были любовники. Одни были самцами, другие самками. У самцов есть рога. По ним их можно отличить. С котами сложнее. Во Франции холостят котов и не холостят коней. Франция была далеко.

– От меня ушла жена, – внезапно сказал Скриппс.

– Неудивительно, если вы слоняетесь с чертовой птицей, торчащей из-за пазухи, – сказал телеграфист.

– Что это за город? – спросил Скриппс. Короткий миг духовной близости, который возник было между ними, рассеялся. В сущности, он никогда на самом деле и не возникал. Но мог бы. Теперь бесполезно. Бесполезно пытаться поймать то, что ушло. Что сплыло.

– Петоски, – ответил телеграфист.

– Благодарю вас, – сказал Скриппс. Он повернулся и направился в притихший пустынный северный город. К счастью, у него в кармане лежало четыреста пятьдесят долларов. Он продал рассказ Джорджу Хорасу Лоримеру как раз перед тем, как отправиться со своей старухой в питейное путешествие. Зачем он вообще ушел? И что все это значит, в конце концов?

Навстречу ему по улице шли два индейца. Они посмотрели на него, но выражение их лиц не изменилось. Их лица остались непроницаемы. Они направлялись в парикмахерскую Маккарти.

5

Скриппс О'Нил в нерешительности стоял перед парикмахерской. Внутри брили мужчин. Других мужчин, точно таких же, стригли. Еще другие мужчины сидели у стены на высоких стульях и курили, ожидая своей очереди занять место в парикмахерских креслах, любуясь картинами, висевшими на стене, или любуясь собственным отражением в длинном зеркале. Нужно ли ему, Скриппсу, туда входить? В конце концов, у него в кармане четыреста пятьдесят долларов. Он может войти куда хочет. Он снова посмотрел, нерешительно. Перспектива была привлекательной: мужское общество, теплое помещение, белые халаты парикмахеров, ловко чикающих ножницами или по диагонали направляющих свои бритвы сквозь мыльную пену, покрывающую лица мужчин, пришедших побриться. Они были мастерами своего дела, эти парикмахеры. Но почему-то это было не то, чего ему хотелось. Ему хотелось чего-то другого. Ему хотелось есть. Кроме того, надо было позаботиться о птице.

Скриппс О'Нил повернулся спиной к парикмахерской и зашагал прочь по улице заколоченного и безмолвного северного города. Справа от него, пока он шел, плакучие березы свешивали до земли свои голые, без листьев, ветви, отяжелевшие от снега. До его слуха донесся звук санных колокольчиков. Возможно, было Рождество. На Юге дети запускали бы петарды и кричали друг другу: «Рождественский подарок! Рождественский подарок!» Его отец происходил с Юга. Он был солдатом повстанческой армии. Давно, в дни Гражданской войны, Шерман спалил их дом во время своего похода к морю. «Война – это ад, – сказал Шерман. – Но вы же понимаете, что происходит, миссис О'Нил. Я вынужден это сделать». Он поднес спичку к их старому дому с белыми колоннами.

«Если бы генерал О'Нил был здесь, – сказала мать Скриппса на ломаном английском, – вы, презренный трус, никогда бы не посмели поднести спичку к этому дому!»

Дым за клубился над старым домом. Взметнулось пламя. Белые колонны обволокло восходящими дымными кольцами. Скриппс крепко держался за грубую полушерстяную юбку матери.

Генерал Шерман снова вскочил на коня и отвесил низкий поклон. «Миссис О'Нил, – сказал он, и мать Скриппса всегда утверждала, что у него в глазах стояли слезы, хоть он и был проклятым янки. У этого человека было сердце, сэр, пусть он и не следовал его голосу. – Миссис О'Нил, если бы генерал был здесь, мы бы разобрались с ним как мужчина с женщиной. Но поскольку все сложилось так, как сложилось, мэм, и поскольку война – это то, что она есть, я должен сжечь ваш дом».

Он махнул одному из своих солдат, который выбежал вперед и выплеснул в огонь ведро керосина. Пламя взмыло вверх, и в неподвижном вечернем воздухе поднялся огромный столб дыма.

«По крайней мере, генерал Шерман, – торжествующе сказала мать Скриппса, – этот дымный столб предупредит других верных дочерей Конфедерации о вашем приближении».

Шерман поклонился. «Это риск, на который мы вынуждены пойти, мэм». Он пришпорил лошадь и умчался, его длинные седые волосы развевались на ветру. Ни Скриппс, ни его мать больше никогда его не видели. Странно, что Скриппс вспомнил тот эпизод сейчас. Он поднял голову. Прямо перед ним была вывеска:

«СТОЛОВАЯ БРАУНА. ИСКУС – НА ВСЯКИЙ ВКУС».

Надо войти и поесть. Вот то, чего он хотел. Надо войти и поесть. Какая вывеска –

«ИСКУС – НА ВСЯКИЙ ВКУС»!

О, эти владельцы больших столовых толковые ребята. Они знают, как завлечь клиента. Никакой рекламы в «Сатердей ивнинг пост» им не требуется. НА ВСЯКИЙ ВКУС. Умно. Он вошел.

Стоя в дверях столовой, Скриппс О'Нил огляделся. Внутри была длинная стойка. Висели часы. Была дверь, которая вела в кухню. Стояло несколько столов. Под стеклянной крышкой лежала горка пончиков. На стене были развешены картинки, рекламирующие то, что здесь можно съесть. Была ли это действительно столовая Брауна?

– Не скажете ли, – спросил Скриппс пожилую официантку, вышедшую из кухни через дверь, открывающуюся в обе стороны, – действительно ли это столовая Брауна?

– Да, сэр, – ответила официантка. – Искус – на всякий вкус.

– Благодарю вас, – сказал Скриппс. Он уселся за стойку. – Пожалуйста, бобы для меня и бобы для моей птицы.

Он расстегнул рубашку и поставил птицу на стойку. Птица взъерошила перья и отряхнулась. Она пылливо клюнула бутылку с кетчупом. Пожилая официантка протянула руку и погладила ее.

– Какой отважный малыш, – заметила она. – Между прочим, – спросила она с некоторым смущением на лице, – что это вы такое заказали, сэр?

– Бобы, – сказал Скриппс, – для своей птицы и для себя.

Официантка распахнула кухонную калитку. Скриппс успел рассмотреть теплую, наполненную паром комнату с большими котлами и чайниками и множеством сияющих консервных банок на полках вдоль стены.

– Свинью с погремушками, – деловым тоном крикнула официантка в распахнутую калитку. – Одну – для птицы!

– Уже на плите! – отозвался голос из кухни.

– Сколько лет вашей птице? – спросила пожилая официантка.

– Не знаю, – сказал Скриппс. – До прошлого вечера я ее в глаза не видел. Я шел вдоль железной дороги из Манселоны. Меня жена бросила.

– Бедный малыш, – сказала официантка. Она капнула кетчупа себе на палец, и птица благодарно клюнула каплю.

– Меня жена бросила, – сказал Скриппс. – Мы с ней пили на железнодорожной насыпи. Мы любили по вечерам ходить смотреть на поезда. Я пишу рассказы. Один был напечатан в «Пост» и два – в «Дайял». Менкен старается прибрать меня к рукам. Но я слишком умен для таких игр. Никакой Polizei² не потерплю. У меня от нее Katzenjammers³.

Что он несет? Он не контролировал свою речь. А это до добра не доводит. Нужно сосредоточиться.

– Скофилд Тейер был моим шафером, – сказал он. – Я выпускник Гарварда. Единственное, чего я хочу, так это чтобы мне и моей птице дали равный шанс. Больше никакой Weltpolitik⁴. Долой доктора Кулиджа.

Его мысли путались. Он знал отчего. Он ослабел от голода. Этот северный воздух был для него слишком резким и пронизывающим.

– Так я говорю, – сказал он, – не можете ли вы принести мне хоть немного этих самых бобов? Я не люблю торопить события. Я хорошо знаю, когда оставить человека в покое, но...

Кухонная калитка отворилась, и по-явились большое блюдо бобов и маленькая тарелочка бобов, над обоими вился пар.

– А вот и они, – сказала официантка.

² Полиция (нем.).

³ Похмелье (нем.).

⁴ Мировая (международная) политика (нем.).

Скриппс навалился на большое блюдо. В бобах было и немного свинины. Птица ела с удовольствием, каждый раз поднимая голову, чтобы горошина проскочила через горло.

– Так он благодарит Господа за эти бобы, – объяснила пожилая официантка.

– Действительно божественно вкусные бобы, – согласился Скриппс. Под влиянием бобов в голове у него стало проясняться. Что за чушь он наплел об этом парне, Генри Менкене? Разве Менкен действительно охотится за ним? Не очень приятная перспектива. У него в кармане четыреста пятьдесят долларов. Когда они закончатся, он всегда сможет положить конец всему. Если они будут слишком сильно на него давить, он преподнесет им большой сюрприз. Он не из тех, кого легко взять живым. Пусть только попробуют.

Съев бобы, птица заснула. Она спала, стоя на одной ноге, другую, поджав, прятала в перьях.

– Когда он устанет спать на одной ноге, он сменит ногу и даст ей отдохнуть, – заметила официантка. – У нас дома жила старая скопа, которая так делала.

– Где был ваш дом? – спросил Скриппс.

– В Англии. В Озерном крае. – Официантка улыбнулась с легкой тоской. – Это родина Вордсворта, как вы знаете.

Ох уж эти англичане. Они распространились по всей земной поверхности. Им было мало своего маленького острова. Странные люди нордической расы, одержимые мечтой об империи.

– Я не всегда была официанткой, – заметила пожилая официантка.

– Не сомневаюсь.

– Отнюдь, – продолжала официантка. – Это довольно странная история. Может, вам неинтересно?

– Что вы, что вы, – сказал Скриппс. – Вы не будете возражать, если я когда-нибудь воспользуюсь вашей историей?

– Нет, если она покажется вам интересной. – Официантка улыбнулась. – Вы, разумеется, не станете упоминать моего имени?

– Нет, если вы этого не хотите, – сказал Скриппс. – Кстати, могу я заказать еще порцию бобов?

– Искус – на всякий вкус, – улыбнулась официантка. Лицо у нее было морщинистым и серым. Она немного похожа на ту актрису, что умерла в Питтсбурге. Как ее звали? Ленора Ульрих? Из «Питера Пена». Может, как-то по-другому. Не важно.

– Вы действительно хотите еще бобов? – спросила официантка.

– Да, – просто ответил Скриппс.

– Повторить большие погремушки, – крикнула официантка в калитку. – Для птицы не надо.

– Уже на плите, – пришел ответ.

– Пожалуйста, продолжайте вашу историю, – любезно попросил Скриппс.

– Это было в год Парижской всемирной выставки, – начала она. – Я была тогда юной девушкой, *jeune fille*⁵, и приехала из Англии с мамой. Мы хотели присутствовать на открытии выставки. По пути с Гар дю Нор в отель на Вандомской площади, где собирались остановиться, мы заехали в парикмахерский салон и совершили незначительную покупку. Моя мать, помню, купила себе еще один флакон «нюхательной соли», как ее называют здесь, в Америке.

Она улыбнулась.

– Да-да, продолжайте. Нюхательной соли, – сказал Скриппс.

– Мы зарегистрировались, как полагается, в отеле и получили смежные номера, которые зарезервировали заранее. После путешествия моя мать чувствовала, что ей на сегодня достаточно, и мы ужинали у себя в номерах. Я с волнением ждала предстоявшего на следующий день

⁵ Молодая девушка (*фр.*).

открытия выставки. Но я устала с дороги – на море был шторм, когда мы пересекали Канал, – и крепко уснула. Утром проснулась и позвонила маме. Никто не ответил, и я пошла к ней в номер, чтобы разбудить. Вместо мамы в кровати лежал французский генерал.

– Боже праведный! – сказал Скриппс.

– Я страшно испугалась, – продолжала официантка, – и позвонила в регистратуру. Пришел консьерж, и я спросила у него, где моя мать.

– Но, мадемуазель, – сказал консьерж, – мы понятия не имеем о вашей матери. Вы приехали сюда с генералом таким-то – имени генерала я не помню.

– Зовите его генерал Жоффри, – предложил Скриппс.

– У него действительно была похожая фамилия, – сказала официантка. – Я была до смерти напугана и послала за полицией и попросила проверить журнал регистраций. «Там наверняка записано, что мы приехали сюда с мамой», – сказала я. Приехала полиция, и консьерж принес журнал. «Смотрите, мадам, – сказал он, – вы зарегистрированы с генералом, с которым и прибыли в наш отель вчера вечером». Я была в отчаянии. В конце концов я вспомнила, где находился парикмахерский салон. Полиция послала за хозяином. Полицейский агент привез его. «Мы с моей матерью вчера заезжали в ваш салон, – сказала я хозяину, – и мама купила у вас флакон ароматизированных солей». – «Я прекрасно помню мадемуазель, – сказал хозяин салона, – но вы были не с вашей матушкой. Вы были с пожилым французским генералом. Насколько я помню, он купил щипцы для завивки усов. Это можно проверить по моим бухгалтерским книгам». Я была в отчаянии. Между тем полиция разыскала извозчика, который вез нас с вокзала в отель. Он поклялся, что со мной не было никакой матери. Скажите, вас моя история не утомила?

– Продолжайте, – сказал Скриппс. – Знали бы вы, как мне не хватает сюжетов!

– Собственно, это и вся история, – сказала официантка. – Я больше никогда в жизни не видела своей матери. Я связалась с посольством, но они ничего не смогли сделать. В конце концов они установили, что я действительно пересекла Канал с матерью, но больше ничего сделать не смогли. – На глаза пожилой официантки навернулись слезы. – Я больше так и не увидела своей мамочки. Никогда. Ни разу.

– А что с генералом?

– Он одолжил мне сотню франков – невеликая сумма, даже по тем временам, – и я поехала в Америку и стала официанткой. Вот и вся история.

– Не вся, – сказал Скриппс. – Голову даю на отсечение, что еще не вся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.